

Дмитрий Баранов

«Крестьянская» программа В.Н. Тенишева: текст и контекст

Не приходится сомневаться, что любая этнографическая программа является не только важнейшим методом изучения культуры, но и выступает завуалированным метаязыком науки, репрезентируя уровень знаний, господствующие научные парадигмы, предпочтение тех или иных субъективных интересов. Сам текст программы как бы состоит из цитат, отсылающих к множеству научных и культурных источников. В такой перспективе программу можно одновременно рассматривать и как источник по истории развития науки, и собственно как этнографический источник, позволяющий хотя бы частично реконструировать накопленные к моменту ее рождения знания, на основе которых и были сформулированы вошедшие в программу вопросы.

Все выше сказанное как нельзя лучше характеризует «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России» — грандиозный проект конца XIX в. князя В.Н. Тенишева — известного русского промышленника, одного из преданнейших любителей русской этнографии.

**Дмитрий Александрович
Баранов**
Российский этнографический
музей, Санкт-Петербург

Цель программы, для реализации которой в 1897 г. в Санкт-Петербурге В.Н. Тенишевым было создано Этнографическое бюро, состояла в том, чтобы *«осветить наиболее полно и всесторонне еще темную во многих отношениях область жизни и быта великорусского населения и тем самым восполнить пробелы, существующие по сему предмету в нашей этнографической литературе»* [Циркуляры 1899].

Разумеется, невозможно выявить все обстоятельства, определившие «лицо» Программы, характер ее содержания. Личные устремления В.Н. Тенишева, его методологические позиции, политические и социально-экономические условия в России, состояние этнографической науки — это и многое другое так или иначе, явно или намеком проступает в самой структуре Программы. В ряду множества факторов следует выделить один, едва ли не важнейший, сформировавший дух проекта, — речь идет об увлечении князя Тенишева позитивизмом, возникшим в рамках социологии и декларировавшим особый статус естественно-научного знания и математики, которым приписывалась внутренняя объективность. Позитивистская позиция автора отразилась как в формулировке цели Программы, так и в ориентации в вопросах на социальные факты, а также в методике сбора сведений, предполагавшей, что от корреспондентов *«требуются факты, а не обобщения или выводы, поэтому к вопросам программы необходимо приурочить только отдельные частичные наблюдения, поставив себя в положение достоверного свидетеля о виденном и слышанном в народном быту»* [Программа 1898: 5]. Кроме того, по замыслу В.Н. Тенишева реализация Программы по сбору этнографических фактов в первую очередь должна отвечать прикладным задачам, прежде всего помогать предвидеть поведение и поступки людей.

Увлечение позитивизмом вполне объяснимо, если учесть, что вопрос «объективности» исследования культуры народа уже с самого начала был связан с проблемой определения научного статуса этнографии, испытывающей определенные сложности в плане верификации полученных результатов. Проблема достоверности умозаключений и интерпретаций стала очевидной на фоне господствовавших во второй половине XIX в. мифологической, исторической, эволюционной школ в этнографической и филологической науках, характеризующихся интересом к архаике, старине, «пережиткам» и соответственно занимающихся преимущественно реконструкцией прошлого народов.

Стали звучать голоса за переориентацию этнографии от изучения «археологии» в сторону решения прикладных задач,

исследования современной культуры народов. Так, критикуя игнорирование этнографами актуальных, злободневных проблем сегодняшнего дня и определяя задачи этнографии на новом этапе, Н.Г. Чернышевский отмечал, что этнография не должна ограничивать свои задачи изучением одной только старины, она должна изучать и современный быт народов, современную общественную и экономическую действительность и *«вообще нынешнее содержание народного образа мыслей»* [Токарев 1966: 277]. Так называемой «новейшей» этнографии, прикладной по своим задачам, которая должна заниматься народным бытом, взятым «в настоящую минуту», «здесь и сейчас», должен соответствовать и свой метод приобретения знаний — наблюдение реальности и сбор эмпирических фактов. По словам составителя одной из многочисленных программ второй половины XIX в. по исследованию поземельной общины, ученый должен придерживаться трезвого логического суждения и беспристрастной оценки фактов [Опыт программы 1878: 2].

Конец XIX в. был отмечен господством позитивистских взглядов в европейской научной мысли, ростом интереса к крестьянской теме, особенно к тем вопросам, которые касаются обычного права. Как следствие появилось внушительное количество этнографических программ — чрезвычайно популярного в это время жанра научных исследований. Внимание исследователей постепенно переключалось с изучения происхождения культурных явлений на их современное значение. В 1890-х гг. к моменту составления Программы в отечественной науке явно обозначилась интенция изучать современную нормативную культуру, а не собирать «курьезы» и «экзотические» факты. На Западе в это время появляется новаторская работа Дюркгейма, в которой прозвучал призыв изучать социальные факты, как и любые другие факты, строго научным, позитивным методом [Токарев 1978: 207]. Произошла, говоря современным языком, *«стилизация социального под естественно-научные „природные“ процессы и явления»* [Соколовский 2004: 83].

Стремление к точности и объективности описания культуры, которое в позитивистской перспективе повысило бы статус этнографии, имело и внешнее — организационное — выражение. Уже в 1864 г. при Московском университете было образовано Общество любителей естествознания, при этом к естественным наукам была отнесена этнография. Интерес переместился в сторону изучения общественной жизни, семьи, общины, обычного права, т.е. в ту сферу, где, по мысли членов Общества, этнографическое изучение получило бы настоящий жизненный интерес. Появились десятки программ для сбора сведений о юридических обычаях, общинном землепользова-

нии, семейных отношениях, некоторые из них впоследствии легли в основу «крестьянской» программы В.Н. Тенишева¹.

Вот тот общественный и научный фон, на котором в Смоленске в 1896 г. выходит «черновой», краткий вариант программы Тенишева, а затем, после привлечения к работе над вопросами программы смоленского этнографа-краеведа В.Н. Добровольского и А.Ф. Булгакова, в 1897 г. там же появляется значительно расширенное издание «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», а в 1898 г. — второе издание, исправленное и дополненное.

Программа В.Н. Тенишева занимает особое место среди прочих работ подобного жанра. По сути, это первая в истории науки попытка монографического исследования современной жизни крестьян во всех ее измерениях. Для решения задачи *«всестороннего изучения быта великорусских крестьян»* в основу структурирования Программы была положена разработанная Тенишевым и изложенная в его книге «Деятельность человека» классификация, согласно которой вопросы распределяются *«по потребностям индивидуальной и общественной жизни человека, которым, при данных окружающих условиях, соответствуют поступки и поведение изучаемых людей, подлежащие исследованию»* [Программа 1898: 2]².

Сформулированная В.Н. Тенишевым концепция «жизненных потребностей», по некоторым положениям предвосхитившая созданную несколько десятилетий спустя основателем функционализма Б. Малиновским теорию потребностей, объясняет оглавление и соотношение тематических разделов Программы, неодинаковый их объем, разную степень детализации вопросов, в них входящих. Самый беглый взгляд на содержание Программы позволяет увидеть преимущественный интерес к сфере общественных, правовых и экономических отношений, которые, по мысли составителей, поддаются точному описанию; из примерно двух с половиной тысяч вопросов Программы почти половина относится к указанным темам. Достаточно скромными выглядят разделы, посвященные обрядовым практикам крестьян, верованиям, народному календарю, медицине, предметному миру культуры, промыслам и т.д., т.е. тем темам, которые, по мысли Тенишева, должны находиться на периферии интересов современной этнографии.

Распределение многих вопросов по тематическим разделам на первый взгляд — с позиций сегодняшних этнографических

¹ Все источники указаны в: [Программа 1898: 9–10].

² О мировоззренческой позиции В.Н. Тенишева см.: [Фирсов 1988].

знаний и принятых классификаций — выглядит нелогично. Так, например, довольно странное впечатление производит разведение вопросов, касающихся свадьбы, по разным разделам: *Ж) Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусства* и *И) Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака*. По-видимому, здесь нашел отражение рационалистический взгляд Тенишева на культуру, вынудивший его искусственно разделить свадебный обряд на «иррациональную» составляющую (поверья, приметы, колдовская практика и т.д.) — раздел *Ж* и «рациональную» — время, место, участники, правила, запреты и т.д. — раздел *И*. Похожая картина наблюдается и в отношении занятий, жилища, утвари крестьян — представления, с ними связанные и отразившиеся в обрядах и повседневном поведении, вошли в раздел *Ж*, а сами они — как непосредственно наблюдаемые эмпирические факты — были расположены в разделе *З) Семья. Обычный порядок жизни*.

Особняком стоит раздел *К) Выходящие из ряда обстоятельства*, в который автор включил вопросы, относящиеся, по его мнению, к сфере культурных аномалий: смерть, болезни, ссоры, преступления, внебрачное сожителство, отшельничество, стихийные бедствия и т.д. Выделение этого раздела было обусловлено упомянутой выше «теорией потребностей», соответствием которой «*выходящие из ряда обстоятельства*» препятствуют человеку «*выполнять потребности индивидуальной и общественной жизни*». В этой классификации нашел свое отражение позитивистский взгляд на культуру, который прагматику обнаруживает только в повседневной жизни крестьян, а возникающие время от времени любого вида кризисные ситуации и способы их разрешения относит к компетенции «переживаний», «суеверий», т.е. ко всему тому в культуре, что в русле «естественно-научной» парадигмы оценивается как «нерациональное».

При анализе научного потенциала Программы продуктивно исходить из посылки, что любому вопросу, заложенному в анкету, в известном смысле предшествует ответ, спросить можно только о том, о чем уже имеется какое-либо представление. При таком взгляде становится очевидным, что вопросник содержит уже исследовательскую классификацию и схему интерпретации материала, поэтому характер полученных Этнографическим бюро сведений во многом был детерминирован постановкой и содержанием вопросов. Подразумеваемую мной первичность ответов нужно понимать в том смысле, что вопросы «крестьянской» программы строились на ответах, уже полученных на основе предыдущих программ, разработанных Императорским Русским географическим обществом (ИРГО) и Имперским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАиЭ). Эти ответы позволили ее

составителям — В.Н. Тенишеву, В.Н. Добровольскому и А.Ф. Булгакову — расширить, детализировать, уточнить вопросы, с одной стороны, и придать им порой подсказывающий, направляющий характер — с другой. Следовательно, не будет преувеличением утверждение, что «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России» аккумулировала в себе опыт не только «вопросной» части своих предшественников, но и «ответной». Таким образом, уже сама Программа содержит в своих вопросах этнографические сведения и нередко готовую интерпретацию культурных явлений.

В качестве примера можно проанализировать информационные ресурсы вопросов, касающихся народных верований (раздел **Ж**), т.е. попытаться эксплицировать уже содержащиеся в них этнографические факты. Так, даже не зная ответов, по одним только вопросам можно произвести следующую частичную реконструкцию мировоззрения русских крестьян. **Природа:** во время грозы и дождя небо открывается; может существовать несколько небес; солнце и луна могут иметь семью: мать, братьев, сестер, жену/мужа; падающая звезда означает смерть или рождение человека или отпадение ангела от Бога; радуга — это мост, по которому можно войти на небо, или живое существо, которое пьет воду; Млечный путь является дорогой мертвых, его называют «гусиная дорога»; северное сияние представляется битвою добрых и злых духов и может предвещать какое-либо несчастье; во время солнечного затмения производится шум, чтобы прекратить его; для того чтобы молния не ударила в дом, на окна выставляют гнилушки; во время грозы черти прячутся за людей или за деревья; вода после первой грозы считается целебной; во время метели черти играют или мертвые выходят из могил; существуют священные рощи и деревья; старое дерево грех рубить — в противном случае с человеком произойдет несчастье; для излечения больного используют проемный дуб; во дворе обычно держат курячьего бога; для вызывания дождя используют лягушек, блох, сверчков, а также женщины пашут озеро или сталкивают прохожих в воду. **Демонология:** черти могут быть женатыми или холостыми; столб пыли, поднимаемый вихрем, производится чертом во время бесовской свадьбы, и если в середину этого столба кинуть нож, то он покроется кровью; черти могут вступать в связь с женщинами и попами; дьявол прилетает к женщине в виде огненного змея; до крещения детей может похитить черт и подменить своим ребенком; дьявол любит принимать вид черной собаки и черной кошки; во время грозы этих животных выгоняют из дома; дьявол может войти в закрытый сосуд с водой, в рот зевающего человека, если он его не крестит; слово «черт» нельзя произносить вслух; ребенка, проклятого в сердцах родителями, похищает нечис-

тая сила; вино и табак избобрел черт; пьяным дорогу показыва-ет черт; человек, не имеющий ресниц, считается чертом; о са-моубийцах народ говорит: «черту баран»; в народе бытуют рас-сказы о сверхъестественных существах: Доле, Недоле, Злыдне, Беде, Горе, Лихе, Мороке, Маре; оборотни — это души некрещеных младенцев или умерших колдунов; чтобы волколаки не заели спящего человека, нужно расстегнуть ворот и перекреститься; волколаки на святках принимают облик парней и ско-морохов или кобылы, которая заедает девушек; в доме обитает домовый, который оказывает покровительство хозяевам; во вре-мя новоселья существует обычай приглашать домового; домо-вые отличаются шаловливым характером, дерут за чуб, ночью душат спящих; домовый может предвещать будущее; иногда происходит борьба между своим и чужим домовыми; чтобы до-мовой не мучил лошадь, к ней привязывают кнут, рукавицы, онучи; в лесу живут лешие, которые сбивают с пути или заше-кочивают заблудившегося до смерти; на стада леший может напустить волков; если перейти следы лешего, то можно забо-леть; чтобы избавиться от болезни, оставляют в лесу хлеб с со-лью; леший имеет семью; он похищает девушек себе в жены и детей до крещения; похищенных людей леший обучает знахар-ству; лешего можно вызвать и заключить с ним договор; кроме лешего, в лесу живут русалки, боровики, моховики и другие духи.

Можно привести еще много примеров, однако и так ясно, что многие вопросы Программы буквально «программируют» от-веты, направляя их в заранее заданное русло. Особенно это касается «узких» вопросов, которые были детализированы во втором издании Программы с целью повысить «достовер-ность» ответов. Программа в некоторых случаях принуждает наблюдать только те частные случаи и детали, которые укла-дываются в изначально существующие представления об изу-чаемой культуре и соответствуют определенным классифика-циям. Вопросы составляли конкретные люди, имевшие пред-варительный визуально-концептуальный опыт, заставлявший их наблюдать ту или иную картину действительности. О вли-янии господствующей научной парадигмы на характеристики наблюдаемой действительности хорошо известно, причем не только в области гуманитарных наук.

В качестве примера можно привести красноречивый и поучи-тельный случай с открытием итальянским астрономом Скиа-парелли «каналов» на Марсе, которые до него никто не видел, а после Скиапарелли, используя те же инструменты, все как по команде «прозрели» и наблюдали пресловутые каналы в тече-ние нескольких десятилетий. Показательны в этом отношении сетования астронома Графа, не увидевшего ни одного канала,

на то, что ему не хватает «воображения», присущего многим его коллегам [Лем 1993: 347].

Возвращаясь к программе, следует отметить, что любой этнографический вопросник является не только важнейшим инструментом добывания новых знаний, но и представляет собой особый жанр научного исследования, которому внутренне присуще объективное стремление к упорядоченности накопленных сведений. Это выражается как в заданной последовательности вопросов, так и в их формулировке. Существующая в науке модель культуры «заставляет» ученого составлять этнографические программы таким образом, чтобы собранные по ним материалы эту модель все время подтверждали.

Вполне естественно, что научные представления, положенные в основу вопросов, касаются той или иной локальной традиции. Но введенные в тенишевскую программу, рассчитанную на сбор материала почти со всей Европейской России, эти вопросы, переадресованные, таким образом, уже иным традициям, начинают «пробуксовывать».

Проблема корректности формулировок вопросов может быть рассмотрена на примере упоминавшегося выше раздела **Ж) Верования**, составленного известным краеведом В.Н. Добровольским, который при работе над вопросами в значительной степени опирался на хорошо знакомый ему этнографический и фольклорный материал Смоленской и Орловской губерний. Хотя Добровольский и указал в качестве источника «Программу для собирания этнографических сведений» под редакцией Н.А. Янчука [Добровольский 1896], сопоставление вопросов двух программ обнаруживает их различия, которые могут быть объяснены тем, что автор использовал собранные им материалы, репрезентирующие определенную локальную традицию, в данном случае — западно-русскую.

Влияние полевого опыта автора в конкретной культурной среде проявляется уже в употребляемых в вопросах диалектизмах и выражениях. Так, вопрос параграфа № 204 Программы относительно заклятий: *«Нет ли в народе заклятий, насылающих духов, олицетворений различных болезней? Не скажут ли: „загодуй вас двенадцать тысяч родимцев или Перун“; <...> или „варагуша (лихорадка) тебя затряси“?»* — явно отражает частный случай. Обращение к Смоленскому словарю В.Н. Добровольского, аккумулировавшему результаты его полевых исследований в западно-русских землях, указывает на территорию распространения этого обычая — Рославльский уезд Смоленской губернии [Смоленский словарь 1914: 51]. Другой вопрос Программы — *«Не рассердится ли хозяин, если при посеве конопля крикнуть ему через изгородь: „конопельки тью-тью“?»* (№ 222) —

опирается на существование этой традиции в Поречском уезде той же губернии: *«Если сказать через изгородь: „конопельки тю-тю“, мужик страшно рассердится, считая это заклятием»* [Смоленский словарь 1914: 340]. Также к этому уезду отсылает и вопрос параграфа № 187 относительно дождя, идущего в то время, когда светит солнце: *«Не говорят ли „солнце выскалило“?»* [Смоленский словарь 1914: 857].

«Узкие», направленные на местную традицию вопросы касаются не только языковой сферы, но и обрядовой практики. Так, например, вопрос параграфа № 220 *«К каким обрядам прибегают пчеловоды для удаления чужих пчел, нападающих на ульи? Не прогоняют ли их через волчью пасть?»* в действительности описывает смоленскую традицию [Смоленский словарь 1914: 83]. Это же верно и для вопроса об обряде вызывания дождя: *«Что делают со сверчками, блохами и лягушками для вызывания дождя?»*, сформулированного Добровольским на основе описанного им обычая Орловской губернии: *«Убивают лягушек, нанизывают их на нитку вместе со сверчками, блохами и приговаривают, вывешивая всех этих животных где-нибудь на дереве»* [Смоленский словарь 1914: 173] и т.д.

Очевидно, что вопрос, инициируемый знакомством с этнографическими сведениями из определенной местности и весьма продуктивный в приложении к последней, будучи включенным в общую, претендующую на охват огромной территории программу, позволит только очертить границы распространения того явления культуры, на фиксацию и раскрытие которого он направлен. Справедливости ради стоит отметить и значимые исключения. Так, в Программу вошли отсутствующие у Н.А. Янчука вопросы о куваде, восточно-славянский вариант которой был известен (благодаря описаниям В.Н. Добровольского [Добровольский 1894: 371–372]) лишь на Смоленщине. Полученные ответы существенно дополнили представления этнографов о географии ее бытования: оказалось, что этот обычай бытовал не только в западно-русских землях, но имел практически повсеместное распространение в русской традиционной культуре.

Можно полагать, что обозначенная особенность Программы В.Н. Тенишева не является чем-то специфическим, характерным только для нее и объяснимым некими субъективными факторами, например багажом накопленных знаний или полевым опытом ее составителей. По-видимому, такова природа любой программы общего характера, претендующей на монографическое описание, которой имманентно присущ взгляд на культуру целого народа как на что-то реально существующее в своем единстве, некоем обобщенном виде, а не во множестве вариантов.

Очевидно, что эти и некоторые другие особенности Программы не могли решить — в соответствии с позитивистской установкой составителей — задачу «объективного» описания культуры. Кроме того, сами вопросы, а точнее — их формулировки, предполагают принципиально разные методики сбора, соответственно, собранный материал обладает разной степенью достоверности. Одни вопросы, содержащие просьбу описания наблюдаемой этнографической действительности, обращены к корреспондентам, в большинстве своем представляющим местную сельскую интеллигенцию. Стоит отметить, что, хотя в направляемых «на места» циркулярах постоянно звучал призыв ставить себя в *«положение достоверного свидетеля о виденном и слышанном в народном быту»* [Циркуляры 1899], уже на уровне наблюдения имело место определенное конструирование этнографической реальности, так как фиксация фактов, с одной стороны, процеживалась через «сито» собственного опыта корреспондента и его представлений, а с другой — задавалась постановкой вопроса. В целом Программа, а точнее — лежащая в ее основе теория потребностей, в некоторой степени определяла, что именно следует корреспонденту наблюдать и фиксировать, а что не заслуживает его внимания.

Другие вопросы Программы были ориентированы на получение ответов непосредственно от информантов, и, следовательно, текстовое пространство предоставлялось уже крестьянским «голосам» и интерпретациям. Эти ответы образуют качественно иной вид этнографического источника, так как представляют собой уже не «первичную» информацию, а вербализованный вариант этнографической действительности, ее «пересказывание» и соответственно ее интерпретацию. Таким образом, вопросы Программы с самого начала были направлены на разные способы добывания и описания этнографических фактов, что определило и разный информационный ресурс последних.

Еще одной особенностью «крестьянской» программы, а точнее — организации работы по ее реализации, явилась деятельность штатных сотрудников Бюро по регулированию сбора сведений. В этой деятельности вновь проявляется интерес В.Н. Тенишева главным образом к «практической» этнографии, которая должна изучать народный быт, взятый в «настоящую минуту». В посылаемых корреспондентам циркулярах указывалось, какой материал следует собирать в первую очередь, а какой — не представляет научной ценности. В этой связи не вызывает удивления, что «не повезло» прежде всего фольклорным текстам. В одном из циркуляров за 1899 г., отправленном корреспондентам Этнографического бюро, говорилось: *«имея в виду, что главнейший цикл сказок почти весь*

исчерпан Афанасьевым и Далем, а варианты тех сказок не представляют существенного интереса, Бюро решило из материала этого рода принимать на будущее время лишь одни сказки, рисующие бывшие отношения между помещиками и их крепостными и между духовенством и крестьянами» [Циркуляры 1899].

Аналогично мотивировалось собирание заговоров и песенного фольклора и в других письмах первой половины 1899 г.: раз большая их часть, по мнению сотрудников Бюро, опубликована, а частушки и «фабричные» песни не имеют особого значения, то следует *«остановиться на собирании солдатских песен или тех, которые поются по случаю призыва новобранцев, а также лирических песен старинного склада» [Циркуляры 1899].* Несомненно, что в стремлении ограничить сбор фольклорного материала, а главное — в мотивировках этих ограничений, давал о себе знать характерный для того времени взгляд на фольклор как на некий статичный, закрытый, раз и навсегда созданный корпус текстов, а не как на процесс генерирования множества новых текстов, «живое» явление, вариативное по своей онтологической сути.

Также немаловажным фактором, заставившим сотрудников пойти на определенные ограничения, являлась трудновыполнимая задача освещения по возможности всех сторон народной культуры. Беспрецедентная по количеству вошедших в нее вопросов Программа, разосланная корреспондентам 23 губерний Центральной России и претендовавшая на целостное описание жизни русских крестьян, не могла не вызвать ответный, чрезвычайно мощный поток этнографических сведений, который просто физически невозможно было обработать. По мере лавинообразного нарастания этнографического материала в 1899 г. корреспондентам стали направляться новые циркуляры о прекращении приема сведений по отдельным разделам Программы или из тех губерний (например, Вологодской, Орловской и др.), которые, по мнению сотрудников, были исчерпывающе представлены поступившими материалами. Так, например, с марта того же года Этнографическое бюро заявило об отказе принимать сведения по разделам **Г) Общие указания об образе жизни крестьян, Д) Общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношения крестьян к обществу и Ж) Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусства.** Чуть позже было объявлено о приеме только тех сообщений, которые были получены на основе личного наблюдения, а не *«по слухам, пересказам или печатным источникам» [Циркуляры 1899].*

Тем не менее, несмотря на эти ограничения, в итоге трехлетней (1898–1900 гг.) работы по реализации Программы был собран богатейший материал, дающий «плотное» описание

русской традиционной культуры 23 губерний Европейской России второй половины XIX в. В результате сбора материала 364 корреспондентами был образован архив Этнографического бюро, состоящий из 1873 рукописей и 2356 машинописных копий с них, выполненных в 1898–1901 гг.

Оценивая «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России» князя В.Н. Тенишева в целом, отметим ее всеобъемлющий характер — в той или иной степени вопросы коснулись почти всех сторон жизни русских крестьян — а также ее позитивистский дух, проявившийся, в первую очередь, в присущей ей содержательной дихотомии, разделившей весь потенциальный этнографический материал на рациональный и иррациональный.

Программа, с одной стороны, подытожила результаты работ по составлению программ по сбору этнографических сведений второй половины XIX в., представив как их вопросы, так и ответы, на эти вопросы полученные, с другой — явилась той основой, на которой в дальнейшем разрабатывались более специализированные и тематически ориентированные этнографические программы.

Библиография

- Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. 1894. Ч. 2.
- Добровольский В.Н.* Дополнения к программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1897.
- Лем С.* Ананке // Лем С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т. 4. С. 337–362.
- Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966.
- Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
- Опыт программы исследования поземельной общины.* СПб., 1878.
- Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В.Н. Тенишевым.* Смоленск, 1898.
- Соколовский С.В.* Принцип Гераклита (три гипотезы о причинах изменения в антропологических исследованиях) // Антропологический форум. 2004. № 1.
- Смоленский областной словарь / Составитель В.Н. Добровольский.* Смоленск, 1914.
- Фирсов Б.М.* Теоретические взгляды В.Н. Тенишева // Советская этнография. 1988. № 3. С. 15–27.
- Фирсов Б.М., Киселева И.Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993.
- Циркуляры Этнографического бюро. Фонд 7. Российский этнографический музей.* 1899.